УДК 323.2

БАТАНИНА И.А.,
ЛАВРИКОВА А.А.,
ШУМИЛОВА О.Е.

Политическая компетентность россиян как фактор политического участия[1]

В статье представлены методология и методика анализа политической компетентности как составной части структуры политических возможностей. Выделенные переменные – интерес к политике, информированность о политическом процессе, доверие (личное / социальное), уровень и формы политической активности, мотивы действий, результативность политического участия – позволили охарактеризовать модель вовлечения граждан в функционирование политической системы. На основе проведенного социально-политического исследования (экспертный опрос) авторы определили уровень сформированности политической компетентности в зависимости от типа региона. В качестве критерия классификации субъектов ЦФО принята оценка качества жизни по данным ФС Госстата РФ.

Ключевые слова: политическая компетентность, структура политических возможностей, политическое участие, гражданская активность, гражданские инициативы.

Специфика любых форм политического участия определяется политическим контекстом, в котором они возникают и развиваются, или так называемой структурой политических возможностей. Основываясь на разработках западных и отечественных исследователей,[2] авторским коллективом среди базовых показателей рассматриваемого концепта были предложены следующие: параметры политической системы, стабильность и консолидация элитных групп в рамках системы. Такой подход позволил учитывать не только институциональные условия, правила и нормы, регулирующие процессы принятия политических решений и формирования повестки дня, но и поведение акторов (прежде всего представителей элитных групп), с которыми субъекты политического участия могут вступать во взаимодействия.

Указанные выше составляющие структуры политических возможностей рядовые граждане не определяют, но могут оказывать на них влияние. Любые формы зависимости, утверждает Э. Гидденс, предполагают наличие ресурсов, посредством которых подчиненные определяют действия подчиняющих[3]. Именно такие возможности и составляют основу политического участия, поскольку “субъект, который не участвует в диалектике контроля, перестает быть субъектом действия”[4].

Среди внеинституциональных ресурсов, имеющихся в распоряжении отдельных индивидов, необходимо выделить следующие[5]. Во-первых, это умение избегать нежелательных действий, способность вмешиваться в события или же воздерживаться от вмешательства, что оказывает влияние на происходящие процессы и таким образом определяет взаимозависимость институтов и внеинституциональной среды. Так, трансформации, которые происходят с социальными институтами в ситуации отказа граждан от институционального сотрудничества с ними, с высокой вероятностью формируют воспроизводимое отчуждение. Это означает, с одной стороны, предрасположенность системы манипулировать людьми, не заботясь об их “компетентном участии”, а с другой – состояние

депривации, зависимости, неприятия индивидом условий, при которых его действия находятся вне пределов его собственного понимания и контроля.

Во-вторых, возможность осуществления "диалектики контроля" определяется способностью рядового члена общества контролировать сеть устанавливаемых контактов, ведь характеристики социальных связей в конечном итоге являются результатом его собственного выбора. Безусловно, институты могут оказывать влияние на коммуникативные предпочтения граждан, например, через задаваемые образцы социальных взаимодействий, однако сплоченность и доверительные отношения, солидарность и взаимная ответственность всегда оказываются феноменами внеинституциональными и по своей природе, и по механизмам воспроизводства.

В-третьих, хотя институты могут определять действия отдельных индивидов и коллективных агентов, ограничивая их рамками принятых институциональных правил, однако им трудно влиять на интенциональность субъектов, стремление последних достичь определенных целей: акторы вступают во взаимодействие с институтами, уже имея заранее сформулированную систему предпочтений и намерений, и в случае трансформации самих институтов или способа их функционирования они обычно меняют свои стратегии, но не отказываются от предпочтений.

Рассмотренные выше характеристики и возможность их реализации определяются политической компетентностью граждан, которую можно выделить в качестве самостоятельного показателя в структуре политических возможностей.

Проблемы содержания и пределов компетентности граждан являются ключевыми в теориях демократии, т.к. признание наличия / отсутствия минимально необходимого уровня знаний, умений, навыков у рядовых членов общества является отправной точкой для определения их возможности выступать самостоятельными политическими акторами. Разнообразие мнений располагается в рамках континуума "элитизм" – "партиципация", однако большинство исследователей указывают на существование объективных условий, способствующих развитию политической компетентности у представителей массовых групп (ориентация на повышение уровня образования, что способствует получению минимального пакета знаний определенной политической окраски каждым членом общества, обеспечение доступности информации через масс-медиа, активизация деятельности институтов гражданского общества и, как следствие, демократизация политических структур и др.). Вместе с тем складываются и обстоятельства, затрудняющие этот процесс, среди них: изменение масштабов общественной жизни, ведущее к деформации политического пространства, возрастающая сложность общественной жизни, трансформация технологий коммуникаций с усилением движения потоков в одном направлении – "от лидеров к гражданам, но не наоборот"[6].

Противоречивость сложившейся ситуации и потребность в систематическом поиске путей развития политической компетентности граждан как в новообразованных демократиях, так и в государствах, где демократические институты существуют достаточно давно, вызывают необходимость определения сущности данного явления.

Если следовать логике рассуждений Р. Даля, в условиях демократии "правители" и "граждане" в значительной степени взаимозаменяемые термины, а политическая компетентность определяется способностью "полностью осознавать цели, которые стоят перед руководством", и готовностью "действовать таким образом, чтобы обеспечить воплощение этих целей в жизнь". При этом адекватный (в противовес идеальному) гражданин – "это тот, кто обладает минимально достаточным объемом знаний о том, что соответствует его собственным интересам, и о том, какой политический выбор позволяет ему обеспечить эти интересы лучше других... у граждан есть достаточно сильные побудительные причины действовать в соответствии с этими интересами"[7].

Подобные представления не противоречат и выводам современных исследователей в области педагогики[8], где под компетентностью понимается способность и

готовность человека продуктивно решать широкий круг задач в какой-либо отдельной области (в нашем случае это политическая сфера). Политическая компетентность складывается из пяти структурных компонентов. Когнитивный блок связан со знаниями своих политических прав, механизмов их защиты, социальных норм, традиций, ценностей, существующих в данном обществе, истории страны, национальной политической системы в целом и отдельных политических институтов. Причем важны не сами знания в их многообразии, а некая система знаний в терминах, фактах, понятиях, которая позволит гражданину самостоятельно их пополнять по мере надобности. Для этого требуются определенные умения и навыки по приобретению знаний, овладению информационной компетенцией. Эмоциональный компонент включает систему отношений личности к себе как гражданину, гражданскому обществу и государству, политическим правам и обязанностям; волевой – способность самомобилизации на предстоящее действие в соответствии с определенными интересами, способность занять и отстаивать социально ориентированную позицию. Вместе с тем до сих пор остается открытым вопрос относительно того, какие же интересы должны быть представлены в рамках реализации политической компетентности. Сторонники классических теорий демократии считают, что граждане должны обладать определенной долей альтруизма, ограничивая свои собственные интересы, и стремиться к достижению блага некоего более крупного сообщества, к которому он относится (класса, общества, всех граждан и т.д.). Представители более узкого взгляда на проблему исходят из того, что каждый гражданин действует, реализуя личные интересы и интересы близкого окружения, в результате требования, предъявляемые к политической компетентности, здесь значительно ниже и сводятся просто к вопросу знаний. На практике мы наблюдаем примеры, подтверждающие выводы как одного, так и другого подхода. Более того, ориентация на определенный уровень интересов позволяет классифицировать политическое участие, выделяя индивидуальную (решение частных проблем), коллективную (решение проблем отдельных общностей граждан), общественную (решение проблем, значимых для большинства или всех граждан данного социума) и глобальную (мирового значения) его разновидности[9].

Следующий блок политической компетентности – поведенческий – предполагает реализацию той или иной модели политического поведения: участие в работе общественно-политических организаций, политических митингах / манифестациях, электоральная активность, вовлечение в реализацию социальных и экономических программ и т.д. Последний компонент – регулятивный – направлен на самоосознание и самооценку своей гражданской позиции, своих возможностей в сфере политической деятельности, осмысление и регуляцию системы политических убеждений, выбранных поведенческих стратегий.

При этом выделяются внутренний и внешний аспекты политической компетентности. Ряд ученых связывают первое измерение с восприятием гражданами своей компетентности, а внешнее – с определением ими же степени сложности существующей политической системы. Так, А.В. Андреенкова[10] указывает, что важной характеристикой взаимоотношений населения и политической системы является представление людей о том, могут ли они разобраться в политических вопросах. С одной стороны, у человека может недоставать ресурсов..., чтобы понять все нюансы политических проблем. С другой – сама политика (внешние условия) может быть настолько сложной, что простому гражданину без знания всех деталей и внутренних механизмов трудно в ней ориентироваться. Внутренняя сторона политической компетентности измеряется... с помощью вопроса: “Насколько сложно или легко для Вас составить свое мнение по политическим вопросам?”, внешняя – “Как часто политика кажется Вам настолько сложной, что Вы не в состоянии разобраться, что происходит?”. Мы же считаем, что внутренний аспект связан с оценкой самим субъектом сформированности тех или иных составляющих данного феномена (субъективная политическая компетентность), а

второй – с их проявлениями в окружающей среде (объективная политическая компетентность).

Исходя из представленной выше структуры, были выделены следующие переменные, раскрывающие сущность политической компетентности как составной части структуры политических возможностей: интерес к политике, информированность о политическом процессе, доверие (личное / социальное), уровень и формы политической активности, мотивы действий, результативность политического участия.

С целью измерения указанных переменных на базе лаборатории социально-политических исследований ТулГУ проведено социально-политическое исследование в рамках реализации первого этапа проекта "Модель политического участия как интегративный показатель "структуры политических возможностей" региона (на примере ЦФО)" (Соглашение № 14.B37.21.1018 от 07.09.2012 г. ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 – 2013 годы).

В качестве основного метода сбора данных выбран экспертный опрос (полуформализованного интервью), нацеленный на пополнение интерпретации определенных социальных явлений и процессов. Исходя из имеющегося опыта проведения исследований по данной проблематике, техника экспертного опроса предполагает доминирование в инструментарии закрытых вопросов, предназначенных для оценки уровня уверенности, меры согласия или несогласия с уже высказанными позициями других специалистов.

Эмпирическим объектом исследования выступают представители политического, экономического, социокультурного сегментов элитного сообщества ЦФО. Объем выборочной совокупности составил 90 человек. Такое число экспертов является необходимым и достаточным для обеспечения валидизации результатов исследования. Использована многоступенчатая выборка, построенная с применением процедуры поэтапного отбора объектов опроса. На первом этапе использована районированная выборка. Первичные единицы – типы районов ЦФО, выделенные на основе оценки качества жизни по данным ФС Госстата РФ за 2011 год [Качество жизни..., 2012], – лидеры (Белгородская, Московская области, г. Москва), середняки (Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская, Ярославская области), аутсайдеры (Костромская, Тамбовская, Тверская, Тульская области). В каждом типе субъектов ЦФО предполагается опрос 30 экспертов. На второй ступени применяется вероятностная (гнездовая) выборка. Вторичные единицы отбора – сегменты региональной элиты (политический, экономический, социокультурный) – по 10 представителей каждого сегмента. Единицы отбора третьей ступени определены по иерархии внутренней структуры. Так, внутри экономической элиты предполагается изучение мнений представителей высокодоходных, среднедоходных и низкодоходных групп. Политическая элита структурирована принадлежностью к основным политическим институтам (органы законодательной, исполнительной, судебной власти, политические партии и параконституционные институты). Социокультурная элита дифференцирована следующим критерием – характер деятельности. На четвертом уровне главным критерием отбора является принадлежность к руководящему составу. Единицы наблюдения отбираются при помощи метода "снежного кома" (snowball sampling).

Результаты исследования показали, что на базовом уровне связь населения и политической системы проявляется в виде интереса граждан к политической сфере и наличия определенных политических знаний. Изучение когнитивной составляющей политической компетентности позволило сделать вывод относительно высокой интенсивности и позитивной направленности оценок экспертов, касающихся уровня политической информированности граждан. Так, индекс информированности в среднем по ЦФО составил 55,6. При этом наблюдается дифференциация мнений элит от типа региона: чем лучше качество жизни в субъекте, тем выше индекс информированности. Вместе с тем позиция экспертов по поводу степени интереса граждан к политике не является столь однозначной: половина респондентов оценивает интерес как

средний, треть (за счет представителей регионов-аутсайдеров и середняков) – как незначительный, ограничивая его проявление отслеживанием политической информации и участием в голосовании. Кроме того, 30,3 % экспертов отметили спорадический характер политической активности.

Следует отметить, что при оценке приемлемых форм политического участия эксперты регионов-середняков указали достаточно обширный перечень вариантов преимущественно конвенциональной активности; в то время как в регионах-лидерах и аутсайдерах он ограничен и сводится в первом случае к двум неэлекторальным формам, различным по степени легальности ("участие в отказе от оплаты счетов за ЖКХ" и "участие в подписании коллективных писем в органы власти"), во втором – к трем с явным доминированием электоральной. Однако, по мнению экспертов, существует несоответствие между аффективной и волевой составляющими политической компетентности граждан, что находит отражение в расхождении приемлемых и востребованных форм участия. Так, в регионах-лидерах среди реализуемых форм (при высоком уровне интенсивности мнений) указывается участие в разрешенных демонстрациях, "народных гуляниях" и создании инициативных групп по решению местных проблем; в середняках (при снижении интенсивности как по отношению к лидерам, так и предпочтительным формам) – участие в "народных гуляниях", создании инициативных групп по решению местных проблем; в аутсайдерах – востребованные формы сводятся к одной – участие в "народных гуляниях", лишенных политического контекста.

Результативность политического участия граждан элитным сообществом оценивается позитивно, о чем свидетельствует положительное значение суммарного индекса влияния (И=94,1) (индекс определялся как разность значений индикаторов, эквивалентных положительным и отрицательным оценкам при ответе на вопрос "Имеют ли, по Вашему мнению, жители области оказывать влияние на решения областных и местных органов власти?" (закрытый вопрос)). При этом наивысшие значения индексы влияния приобретают в случаях оценки потенциала воздействия на деятельность исполнительных органов власти регионального и местного уровней (показатели варьируются от 28,9 до 36). Аналогичные тенденции проявляются и на уровне отдельных субъектов. Однако наблюдается дифференциация в интенсивности экспертных оценок в зависимости от качества жизни в регионе. Так, в регионах-лидерах сформировалось консолидированное мнение относительно высокой степени открытости исполнительной власти (в лице губернаторов, глав и администраций муниципальных образований) и закрытости представительной. В регионах-середняках и аутсайдерах позиции респондентов не отличаются высоким уровнем интенсивности, что свидетельствует о скептичности экспертов применительно к политической субъектности граждан, объединенных в обозначенные группы (рис. 1). Как следствие, в названных регионах экспертное сообщество реже называло достижительные мотивы политического участия (по сравнению с регионами-лидерами). При этом экспертные оценки избегательных мотивов в отстающих субъектах отличает большая интенсивность: 9 из 9 респондентов назвали в качестве основной причины нежелания участвовать в политическом процессе нерезультативность деятельности. В регионах же лидерах доминируют мотивы достижения результата ("желание участвовать в решении существующих проблем") и избегания санкций ("политическое участие как гражданский долг").

Данные, представленные выше, подтверждаются при анализе переменной "уровень реципроктности". 65,9 % участников опроса признают личную ответственность граждан за события, происходящие в стране, т.е. наделяют их политической субъектностью, уровень которой сопряжен с качеством жизни в населенном пункте: чем выше жизнеобеспечение в регионе, тем больше властный ресурс граждан (индекс ответственности в регионах-лидерах составил И01=13, середняках – И02=9, аутсайдерах – И03=6). При этом отмечены значительные диспропорции в системе взаимоотношений "власть – общество", обусловленные несоответствием низких

оценок функциональности государственных институтов завышенным ожиданиям по отношению к гражданам (индекс функциональности Иф=–4,8). В большей степени сделанный вывод актуален для регионов-лидеров: наиболее оптимальной структурой обеспечения нуждающихся, согласно мнению экспертов, являются благотворительные организации (21 из 30), в то время, как в других типах субъектов ЦФО апелляции к государству на принципах адресной поддержки носят более однозначный характер (23 и 17 из 30 для регионов аутсайдеров и середняков соответственно). При этом анализ переменной "уровень доверия общественно-политическим институтам" позволяет выявить значительный уровень диффузной поддержки исполнительной власти. Среди наиболее легитимных структур вне зависимости от типа региона называются Президент РФ (64 %), губернатор области (39,3 %) и СМИ (30,3 %). Следует отметить, что в субъектах со средним и низким уровнем качества жизни церковь пользуется значительным доверием (43,3 % и 33,3 % респондентов в регионах-середняках и регионах-аутсайдерах соответственно против 20,0 % – в регионах-лидерах), что свидетельствует о проявлении традиционализма обозначенных субъектов.

В совокупности рассмотренные переменные дают представления о сформировавшейся модели взаимодействия граждан и политической системы. Согласно результатам исследования, в регионах-лидерах отмечено доминирование когнитивного и волевого компонентов над аффективным, в середняках – аффективного над когнитивным и последних двух – над волевым; выявленная в регионах-аутсайдерах тенденция может свидетельствовать либо о несформированности у граждан всех трех составляющих политической компетентности, либо о высокой степени отчужденности элитных и массовых групп.

Негативные последствия снижения компетентности граждан аналогичны тем, которые выделяет З. Бауман, комментируя связь гражданской и политической активности населения с оценкой эффективности институтов коллективного действия: "Когда... не хватает средств, чтобы дойти до конца пути, становятся неизбежными обида и разочарование, но человек ничего не может сделать, чтобы предотвратить подобную ситуацию или избежать ее... Стремительно падает интерес к Политике с большой буквы... размываются политические убеждения, снижается масштаб

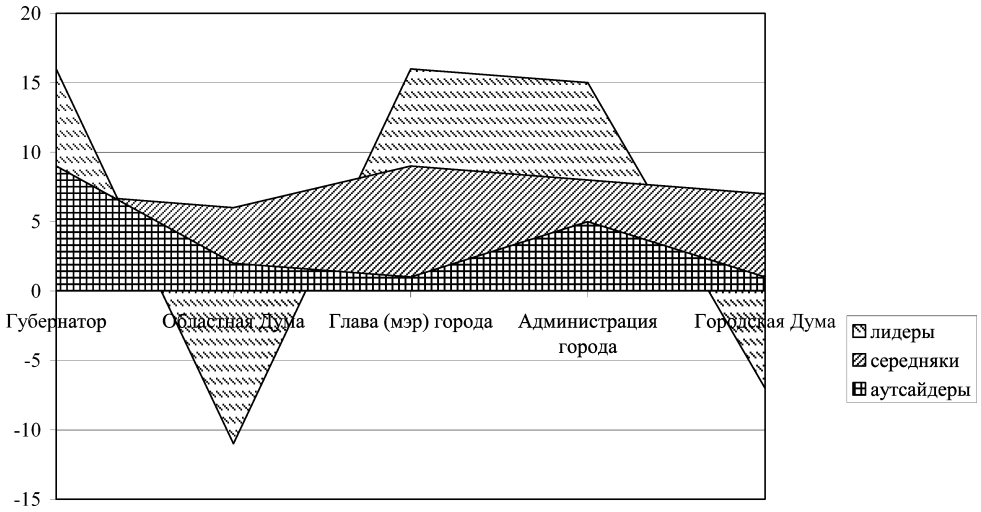

Рис. 1. Индексологическое значение потенциала влияния граждан
Имеют ли возможность, по Вашему мнению, жители области оказывать влияние на решения областных и местных органов власти?

повседневного участия граждан в мероприятиях, традиционно считающихся политическими. В соответствии с духом времени предполагается, что "граждан" могут волновать лишь ближайшее снижение налогов или увеличение пенсий, а их интересы распространяются только на то, чтобы сокращались очереди в больницах, уменьшалось количество нищих на улицах, в тюрьмах сидело бы все больше преступников, а вредные свойства продуктов выявлялись как можно скорее... Кризис гражданственности и недооценка потенциала политических акций проистекают в конечном итоге из ощущения... что отсутствуют не только механизмы обеспечения... коллективных эффективных действий... но и пути возрождения таких механизмов или создания новых... В результате возникает диссонанс сознания, но он смягчается мыслями, что не стоит оплакивать кончину коллективных действий, поскольку такие действия всегда были и будут в лучшем случае бесполезными, а в худшем – вредными с точки зрения благополучия и счастья отдельной личности"[11].

В результате основной стратегией поведения становится уход от проблем и отказ от активности и вместе с этим – разрушение "социальной ткани", коммуникативной и ценностной связности общества. Опасность такой ситуации состоит не столько в возможности стихийного "социального взрыва", сколько в усиливающейся неспособности общества мобилизовываться перед лицом возникающих трудностей, что проявляется в том числе в неумении объяснять свои намерения и предлагать способы достижения целей. Кроме того, общество может недооценить необходимость тех или иных преобразований, оказаться неспособным требовать их осуществления от самых разных структур власти, а также участвовать в определении способов осуществления новаций в иных формах.

[1] Статья подготовлена на основе результатов проекта "Модель политического участия как интегративный показатель "структуры политических возможностей" региона (на примере ЦФО)" (Соглашение № 14.B37.21.1018 от 07.09.2012 г. ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 – 2013 годы)

[2] Tarrow S. Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest. Cornell Univ.Western soc. 1989. Paper № 21; Della Porta D., Diani M. Social Movements: an Introduction. Oxford: Basil Blackwell, 1999; Халий И.А. Институты гражданского в современной России. К методологии изучения // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 6. М.: Институт социологии РАН, 2007. URL: http://www.civisbook.ru/publ.html?id=265 (дата обращения: 10.12.2012); Дука А.В. Структура политических возможностей в институционализации элит, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208991094.pdf (дата обращения: 10.12.2012); Пустошинская О.С. Политический протест как концепт: проблема дефиниции //Альманах современной науки и образования. 2010. № 1 (32). Часть 2. URL: www.gramota.net/materials/1/2010/1-2/29.html (дата обращения: 10.12.2012).

[3] Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984; Giddens A. Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. London: Macmillan Press, 1979.

[4] Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. P. 16.

[5] Климов И.А. Респонсивность власти как баланс суверенитета и социальной поддержки // Социологический журнал. 2006. № 3–4.

[6] Даль Р. А. Проблемы гражданской компетентности, 1997. URL: http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-3.htm (дата обращения: 10.12.2012).

[7] Там же.

[8] Аманбаева Л.И. Гражданское воспитание учащейся молодежи в новых социальных условиях: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Якутск, 2002; Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: ИЦПКПС, 2004; Масленникова В.Ш. Педагогическая модель социально ориентированной личности студента. Казань: ИСПО РАО, 2006.

[9] Патрушев С.В. Гражданское действие как фактор политико-институциональной трансформации // Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука: Ежегодник– 2009. М.: РОССПЭН, 2010.

[10] Андреенкова А.В. Политическое поведение россиян (Часть1)// Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3 (97).

[11] Бауман З. Индивидуализированное общество /Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.